V 1974

9 2 5

ТУ 19 – 32 – 73

5

3

студия
ДИАФИЛЬМ

08–3–747

РГДБ
2015
Юрий Хазанов
КТО
разбил
чашку?
ХУДОЖНИК А. САМСОНОВ

Все были дома: мама и папа, Вова и Кира-Кирюша. И вдруг открывается дверь, и входит их знакомый доктор дядя Сеня. На спине у него рюкзак, а из того рюкзака...

А из того рюкзака торчит голова собаки. И уши свисают, длинные-предлинные.

Потом дядя Сеня выпустил собаку из мешка и сказал, пусть Кап со всеми поздоровается. И Кира-Кирюша первая пожала собачью лапу.

А ещё дядя Сеня сказал, что уезжает в Африку, а там и своих зверей много—с собаками туда не пускают. Поэтому он решил подарить Капа своим друзьям.

Так появился в доме Кап, и началась новая, полная приключений жизнь. Каких только историй не случалось с Капом!

...Есть, наверно, такие люди, которые своим собакам разрешают на тахте валяться... Но Вовина мама – никогда! А если Кап и влезал на тахту, то каждый раз его сгоняли оттуда, а иногда и в угол ставили.

Поэтому теперь Кап лежит где угодно: под столом, у кресла, на своей подстилке — только не на тахте. Это при папе и при маме, конечно.

А вот что без них бывает—один Кап ведает. И Вова тоже немножко...

Приходит как-то Вовина мама домой и видит: посреди тахты огромная вмятина, и подушки в беспорядке валяются.

Мама и говорит: „Это что за мода такая — на тахте валяться?! А? И кто собакам разрешает? Мы — никогда!“

Кап на это ничего не ответил, а Вова сказал, что валялся не Кап, а он сам, Вова: играл в раненого.– „Нельзя разве ?.. “– „Ну, если не Кап, то ладно, – говорит мама. – Хорошо“.

И вдруг смотрят они... Что такое?! Кап свой хвостик поджал и поплёлся в угол. Сам. Никто его и не посылал. А Вова подумал: „Вот плохо быть собакой! Даже соврать не умеет..."

А однажды ещё такой был случай: упала со стола красивая оранжевая чашка... Но ведь не сама же она свалилась?! Мама так и сказала Вове.

А Вова ответил, что это не он, это Кап. — „Ты ушла на кухню, а он как встанет передними лапами на стол, как заденет... Чашка дрык — и вбрызг... то есть, брык — и вдрызг!“

И тут приходит папа с Кирой-Кирюшей, и мама показывает им на оранжевые черепки. – „Это не я, – говорит Кира-Кирюша. – Это, наверно, Вова“. – „Ничего не Вова, – говорит Вова. – А ты ябеда, и больше никто!“

– Перестаньте, – сказала мама. – Виноват во всём Кап. Вон машет хвостиком как ни в чём не бывало. И не стыдно ему!

Кап, и правда, так вилял хвостом, что прямо страшно было глядеть: вдруг хвост оторвётся да улетит на другой конец комнаты?!

–Кто это сделал?! – спросил папа и показал Капу на оранжевые черепки. – Кто?! – А Кап даже не отвернулся... Совершенно нет совести!

Тогда папа как следует разозлился и крикнул: „Иди в угол! В угол, я говорю! И лежать там!“

Пёс опустил голову и поплёлся в угол. И хвост у него уж не крутился, как вентилятор.

В углу Кап улёгся, положил голову на вытянутые лапы, а на лапы свесил два чёрных лопуха. Только это были не лопухи, а уши.

Кап лежал в углу, сопел и вздыхал. Прошло очень много времени, — наверно, целых десять минут, и тогда Кира-Кирюша сказала: „Бедный Кап, весь день лежит, и никому его не жаль".

–„Правда, простим его", – сказала мама. – „Можешь выйти из угла", – сказал папа. А Кап никакого внимания. Как будто не ему говорят. –„Слышишь?" – сказала Кира-Кирюша. А Кап и ухом не ведёт.

Тогда мама достала из шкафа печенье и сунула прямо Капу в рот. А Кап не берёт печенье. Так оно и осталось лежать рядом.

Кира-Кирюша конфетку ему протянула. И бумажной нарочно пошуршала. Очень Кап любит, когда конфетной обёрткой шуршат — сразу прыгать начинает, лаять, хвостом вертеть. А сейчас и не поглядел на конфету.

Тут Вова сорвался с места, побежал на кухню и попросил у соседки для Капа чего-нибудь самого вкусного.

Соседка положила в Капину миску кусок такого холодца, блестящего, будто лёд, сочного, словно пражский торт, что Вова еле донёс его до комнаты.

Он поставил миску перед Капом и сказал: „На, чуть сам не съел!“

Думаете, Кап обратил внимание? Даже уши с пола не поднял! – „Собака заболела“, – сказала мама. – „У него живот болит, брать печенье не велит“, – сказала Кира-Кирюша. Она умела иногда говорить стихами.

А папа молчал и ничего не говорил. Даже стихами. Он всё глядел и глядел — на Капа, на печенье, на конфету, на миску с холодцом, на Вову...

Больше всего на Вову.

И потом папа сказал: „Мне всё ясно. Мне ясно, что Кап совершенно здоров. И что он не разбивал никакой оранжевой чашки! А мы все очень его обидели. И все должны просить у него прощения!

Но особенно перед ним виноват один человек: тот, кто свалил на Капа свою вину!"

И Вова начал розоветь, краснеть и стал почти такого же цвета, как бывшая оранжевая чашка.

КОНЕЦ

Редактор Т. Семибратова
Художественный редактор А. Морозов
Д-154-72
Студия „Диафильм", 1972 г.
Москва, 101000, Старосадский пер., д. № 7
Цветной 0-30